

УДК 94(47).073/083

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ПОРТРЕТ ДИРЕКТОРОВ ИМПЕРАТОРСКОГО УЧИЛИЩА ПРАВОВЕДЕНИЯ

© 2018 г.

М.С. Шишкина

Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева, Орёл

maschakutaf@mail.ru

Поступила в редакцию 31.10.2018

Предпринята попытка реконструкции социокультурного портрета директоров Императорского училища правоведения. Особое внимание уделено характеристике профессиональных и личностных качеств руководителей училища, оказывавших влияние на постановку учебно-воспитательной и досуговой работы. На основе анализа архивных источников и мемуаров воспитанников училища автор приходит к выводу, что директора училища были представителями корпорации профессиональных военных и практически все они к моменту назначения на должность обладали служебным опытом, который позволял оказывать значительное влияние на формирование личности воспитанников.

Ключевые слова: Императорское училище правоведения, директора, социокультурный портрет, С.А. Пошман, Н.С. Голицын, А.П. Языков, И.С. Алопеус, А.И. Пантелеев, А.И. Роговской, В.В. Ольдерогге, З.В. Мицкевич.

На протяжении более чем восьмидесяти лет своего существования Императорское училище правоведения занималось подготовкой кадров для министерства юстиции. Большую роль в организации процесса обучения правоведов играло руководство училища, в первую очередь его директора. Особый статус училища как привилегированного учебного заведения обуславливал специальный порядок назначения директора именным указом императора по представлению попечителя училища через министра юстиции.

В соответствии с уставом директору подчинялись все лица, находившиеся в училище [1, л. 12]. Он отвечал не только за организацию обучения и воспитания, но и за решение хозяйственных вопросов. Кроме этого во время заграничных отъездов попечителя училища директор временно исполнял его функции [2, л. 1]. Директор был главным связующим звеном между воспитанниками училища, его служащими и вышестоящим руководством.

Первым директором Училища правоведения в 1835 г. был назначен действительный статский советник Семен Антонович Пошман (1788–1847). Свою служебную деятельность он начал в 1805 г. актуариусом в коллегии иностранных дел, но вскоре перешел в армию с переименованием в поручики и достаточно быстро получил чин полковника. В 1824 г. Пошман вышел в отставку, а в 1827 г. поступил на гражданскую службу. Как гражданский госслужащий, С.А. Пошман неоднократно выполнял личные поручения министра юстиции, за усерд-

ную службу был удостоен нескольких орденов и назначен на должность обер-прокурора II Департамента Правительствующего сената [3, л. 10 об.]. В 1835 г. он возглавил только открывшееся Училище правоведения, одновременно став членом Консультации при министерстве юстиции.

Характеристика Пошмана как директора Училища неоднозначна. М.М. Молчанов, окончивший Училище в 1845 г., отзывался о нем как о типичном строевом командире николаевской эпохи: «Военный служака, он внес в гражданское училище и военную дисциплину и безмолвное повиновение высшему начальству» [4, с. 10]. Однако другому выпускнику, знаменитому музыкальному и художественному критику В.В. Стасову первый директор запомнился добрым и снисходительным человеком. По всей видимости, С.А. Пошман, в соответствии с общей для той эпохи установкой вынужденный «подтягивать» своих питомцев, в частной жизни демонстрировал совсем иную модель поведения. Об этом свидетельствует тот факт, что он не отгораживался от своих подопечных и старался установить с ними и неофициальные контакты, насколько это было возможно при его статусе. По субботам директор устраивал у себя танцы, на которые приглашались лучшие правоведа. По отзыву Стасова, «...начальнические отношения еще более исчезали тут, и вечеринки происходили точно будто дома или у знакомых. Мы очень любили Пошмана (когда только не бранили, как бранят всякого вообще начальника, даже лучшего, – это уже дело неизбежное)» [5, с. 306].

Человек своего века, Пошман демонстрировал причудливое соединение хороших качеств с дурными. По свидетельству В.В. Стасова, «это был человек малообразованный, довольно ограниченный, отроду на своем веку не читавший, кажется, даже газет и разве только в училище получивший кое о чем понятие, тершись постоянно о профессоров, учителей, курсы и классы. И все-таки это был человек, имевший большое уважение к наукам и просвещению» [5, с. 305]. Благоклонное отношение Пошмана к наукам само по себе значило немало в эпоху повсеместного возведения «умственных плотин». В культурном же развитии своих подопечных он принимал деятельное участие. Не увлекаясь чтением, однако интуитивно осознавая пользу книг, директор неустанно расширял училищную библиотеку, не жалея средств на приобретение частных коллекций. На устраиваемых им субботних танцевальных вечерах будущие юристы приобщались к музыкальному искусству. Хотя сам Пошман не умел играть ни на одном инструменте, он поощрял занятия музыкой, и небезрезультатно: один из лучших правоведов 1-го выпуска, Александр Серов, стал известным композитором. Кроме того, несмотря на то, что по вероисповеданию Пошман был католиком, он внес пожертвование на устройство училищной церкви [6, с. 285].

Будучи «военной косточкой», С.А. Пошман привел училище в образцовый порядок. Постоянное проживание в училище более 200 мальчиков подросткового и юношеского возраста, безусловно, влекло за собой определенные сложности. Учащиеся часто совершали различные дисциплинарные проступки, а иногда целенаправленно устраивали бойкоты воспитателям и педагогам. Пошману нужно было разрешать конфликты таким образом, чтобы, сохраняя авторитет своих подчиненных, не ограничивать их взаимоотношения с воспитанниками сугубо формальными рамками. Правоведов, совершивших проступки, директор наказывал поточески, не только повышая голос, но и вызывая к совести провинившихся. Лишь в крайних случаях он подвергал виновных телесным наказаниям, устраивая показательные порки, и то, как отмечал В.В. Стасов, больше для формы: «Он порол, потому что все тогда пороли, и иначе ему нельзя было поступать» [5, с. 321]. В большинстве случаев было достаточно лишь визита строгого директора на место происшествия, и правоведы успокаивались: «появление Семена Антоновича мгновенно укрощало бурю! Магическое: Эй, господа! это что такое? – смиряло всех, все умолкало; все покорялось этой твердой власти» [4, с. 21]. Многие выпускники учи-

лица вспоминали впоследствии о спартанских методах С.А. Пошмана, которые не устраивали юных правоведов во время обучения. Но по достоинству они оказались оценены уже после выпуска, когда вчерашним ученикам пришлось столкнуться со многими невзгодами и лишениями взрослой жизни.

Не менее важной задачей директора было приучение педагогов к соблюдению установленных в Училище правил. Ему неоднократно приходилось делать замечания преподавателям о регулярном выставлении учебных баллов, об оперативной явке в назначенное время в хозяйственное правление за жалованием [7, л. 4], о своевременном возвращении в библиотеку книг и т.д. Для С.А. Пошмана было важным воспитывать будущих юристов на примере взрослых, поэтому он требовал от всех находившихся в стенах училища беспрекословного следования предписаниям, без скидок на возраст и должностное положение. Свою деятельность на посту директора училища С.А. Пошман строил не только на строгих мерах, но и на принципах четкости и прозрачности. Пошман был не только неутомимым руководителем, но и бесщедрым. Это не осталось незамеченным его подопечными. М.М. Молчанов вспоминал: «Семен Антонович Пошман был не такой человек, у которого какой-нибудь экономайер мог безнаказанно греть руки у казенных припасов» [4, с. 22]. Такого же мнения придерживался и В.В. Стасов: «Главное, в чем его никогда никто из всех нас не упрекал и не заподозревал, – это в корыстолюбии или взяточничестве. Весь свой век он прожил честным бедняком, – а это молодой народ ценит куда как высоко» [5, с. 306].

С.А. Пошману, как первому руководителю училища, пришлось методом проб и ошибок разрабатывать учебный план заведения, решать запутанные вопросы, связанные с приемом абитуриентов. Поскольку далеко не все ситуации были предусмотрены руководящими документами, директор часто был вынужден при принятии решения брать все бремя ответственности на себя. Но из любой трудной ситуации С.А. Пошман всегда находил выход. Его деятельность привела к повышению престижа училища и росту числа желающих обучаться в нем. Пошмана ценил не только принц П.Г. Ольденбургский, но и Николай I, который при каждом своем визите неизменно оставался довольным порядками заведения [3, л. 15]. Служению училищу С.А. Пошман отдал более 12 лет, вплоть до своей смерти в 1847 году.

Ему на смену пришел полковник князь Н.С. Голицын (1809–1892). Должность директора Голицын занял в возрасте 39 лет, став самым

молодым руководителем училища за всю его историю. Он являлся выпускником благородного пансиона Царскосельского лицея, и вся его деятельность была связана с военной службой. Н.С. Голицын принял участие в русско-турецкой войне 1828–1829 гг. и подавлении польского восстания в 1831 г., за что получил ордена Святой Анны IV степ. и Святого Владимира IV степ., а также золотую шпагу с надписью «За храбрость». Голицын был не только боевым офицером, но и видным военным теоретиком: в течение 10 лет он занимал должность адъюнкт-профессора в Императорской военной академии. Военному делу Н.С. Голицын был предан всей душой, вкладывая в него все силы и энергию. Назначение директором училища стало для него крайне неожиданной и не очень приятной новостью, но отказать попечителю этого учебного заведения П.Г. Ольденбургскому, племяннику Николая I, он не мог, и в 1848 г. принял дела по управлению училищем. Эта должность, которую многие считали существенным карьерным достижением, самого князя удручала, и в своих мемуарах он с горечью упоминал о вынужденном переходе в чуждое ему училище [8, с. 712]. Поэтому Голицын не был склонен глубоко вникать в нужды подведомственного ему заведения и не желал идти на контакт со своими подопечными. Выпускник 1857 г. В.П. Мещерский вспоминал: «Он на нас произвел впечатление своею сухостью и холодностью» [9, с. 4].

По мнению одного из воспитанников училища, И.А. Тютчева, причиной неприязненного отношения была неготовность Голицына к педагогической деятельности в кардинально изменившихся условиях: «Едва ли не главным источником недоразумения между князем и воспитанниками училища было то, что князь не понял воспитанников и полагал, что к ним может быть приложен тот образ действий начальства, какой имел место в военной академии» [10, с. 27]. Между тем правоведа младших и средних классов не имели ничего общего с офицерами-слушателями, да и воспитанники старших классов серьезно отличались от них. Не стоит забывать и о том, что Императорская военная академия в 1840-е гг. была царством зубрежки, а офицеров оценивали не только по наукам, но и по «фрунту». Правоведы, в свою очередь, не поняли и не полюбили своего директора. Лишь воспитанники младших классов поначалу были так пленены научным авторитетом Н.С. Голицына, что, восторженно рассказывая друг другу о его трудах, многократно преувеличивали услышанное и дополняли его фантастическими деталями. Так родилась ле-

генда о том, что директор занимается исследованием артиллерийского вооружения Ноева ковчега.

Откровенное равнодушие Голицына к состоянию возглавляемого им заведения не могло остаться незамеченным высшим руководством. К тому же его директорство пришлось на неспокойное время, когда в обществе стали активно распространяться радикальные идеи. В конце 1849 г. до императора дошли слухи, что в училище правоведения есть причастные к делу петрашевцев и сочувствующие им. Это побудило Николая I поставить в учебном заведении нового директора, который должен был «подтянуть» училище, якобы распущенное Голицыным. В.П. Мещерский вспоминал: «Князь Николай Семенович Голицын оказался слабым и ненаходчивым, – и пришлось в 1849 году сделать *coup d'etat* (переворот), т.е. Голицына сменить и искать кого-нибудь построже» [9, с. 4]. Бывший директор вновь вернулся на службу в Генеральный штаб. Директорство Н.С. Голицына, не продолжавшееся и двух лет, не внесло ничего положительного в жизнь Училища. Его уход остался практически незамеченным. И.А. Тютчев вспоминал: «Он [Н.С. Голицын] расстался с училищем без сожаления. Училище, в свою очередь, отнеслось к его удалению индифферентно» [10, с. 27].

Новым директором училища стал генерал-майор Александр Петрович Языков (1802–1878), выпускник Пажеского корпуса и коренной преображенец. Языков имел богатый боевой опыт. В 1825 г. он участвовал в подавлении восстания декабристов, а три года спустя принял участие в войне с Турцией. Так же, как и Н.С. Голицын, А.П. Языков героически проявил себя в подавлении польского восстания в 1831 г. и, едва оправившись от полученных ранений, вновь без промедления вернулся в строй, за что был награжден орденами Св. Владимира IV степ. и Георгия Победоносца IV степ., и, кроме того, обратил на себя личное внимание императора [11, с. 33]. В 1838 г. полковник Языков был назначен полицмейстером Риги. На этой должности, так же как и на полях сражений, он продолжал свою деятельность с прежней энергией. Именно такой человек – деятельный и требовательный службист, – по мнению Николая I, должен был навести порядок в Училище правоведения в то тревожное время, когда на Западе еще догорали революционные костры.

Новый директор, следуя установке императора, сразу же приступил к преобразованию училища. Не имея педагогического опыта, А.П. Языков взял за образец армейские порядки. Почти все должности в училище в соответ-

ствии с личным желанием Николая I заняли офицеры. Вместе с ними в жизнь правоведов вошла и воинская дисциплина, и обязательное обучение строевым приемам. Князь В.П. Мещерский вспоминал: «Дисциплина была, действительно, строга. Она усилилась с появлением Языкова тем, что за то, что мы ходили не в ногу в строю, нас ставили за черный стол во время обеда или завтрака» [9, с. 5]. Отныне правоведы должны были ходить в столовую только в парах, четко исполнять приказания руководства. Даже внешний вид воспитанников не остался без внимания директора. Обязательным не только по Уставу, но и на практике стало ношение мундира, содержание его в образцовом порядке. А в 1855 г. мундиры правоведов были заменены на полукафтаны из темно-зеленого сукна [12, л. 1]. Воспитанники скоро распрощались с надеждой на возобновление особой училищной атмосферы: по словам В.П. Мещерского, «...мы скоро поняли и почувствовали, что становились номерами, под которыми справляли свою функцию воспитанника. Мы сразу постигли, что смешно, дико, немыслимо было бы представить себе нашего брата воспитанника идущим к директору с душевным вопросом» [9, с. 11].

Изменились и принципы воспитания правоведов. Больше, нежели прежде, внимание стало уделяться религиозному воспитанию: утренние и вечерние молитвы стали обязательными. В целом жизнь училища в первой половине 1850-х гг. всецело основывалась на принципах теории официальной народности. Директор прикладывал все усилия, чтобы вновь добиться благосклонности императора к училищу, и ему это удалось. Начало нового царствования ознаменовалось некоторыми послаблениями. Уже в 1856 г. Александр II запретил назначать офицеров на гражданские должности [13, л. 3], и постепенно жесткость режима в училище начала смягчаться.

А.П. Языков уделял внимание не только внешней форме образовательного процесса, но и его содержанию. В 1852 г. директор обратил внимание преподавателей на слишком большой разброс возраста воспитанников, принимаемых в младшие классы училища с 11,5 до 15,5 года [14, л. 2]. Языков резонно заметил, что из-за этого в одном классе оказывались мальчики не только разного возраста, но и разного уровня развития, которые не могли заниматься вместе. Кроме того, директор пытался внести исправления в учебные планы, с тем чтобы обеспечить непрерывное изучение дисциплин без скачков и разрывов. Кроме того, Языков деятельно боролся со сложившейся практикой зубрежки материала и предлагал заменить ее живым диалогом

с классными воспитателями во время повторения пройденного материала. В целом своими действиями директор инициировал масштабную образовательную реформу в училище, итогами которой стали увеличение минимального возраста поступающих, изменение формы самостоятельных занятий и усиление специально-юридической подготовки [15, л. 1].

Вместе с тем своим подопечным А.П. Языков запомнился не только как строгий службист, заставивший правоведов ходить строем. Судя по мемуарам, Языков был достаточно гибким администратором, проявлявшим незаурядную находчивость при разрешении конфликтных ситуаций. Так, когда во время обеда у одного из правоведов в тарелке обнаружился таракан и воспитанники устроили скандал по этому поводу, директор прочел учащимся лекцию о тараканах и их необычайной полезности [10, с. 30]. Кроме того, Языков, будучи прекрасным знатоком изнанки армейской жизни и, в частности, как бывший паж, не понаслышке зная нравы питомцев закрытых учебных заведений, внес существенный вклад в искоренение угнетения старшими воспитанниками младших [16, с. 5]. Большую роль сыграло и пребывание Языкова в одном из старейших полков русской гвардии, во время которого он мог оценить развращающее влияние на молодежь бесчисленных празднеств, традиционно сопровождавшихся неумеренными возлияниями. Как отмечает выпускник училища 1900 г. Г.П. Сюзор, директор преследовал «гвардейские замашки», запрещая правоведам сбор денег на устройство неофициальных праздников, как правило, принимавших вид шумных кутежей [6, с. 287]. Он стремился максимально вывести из стен училища склонность к расточительству и тщеславию, которые часто приносили из своих семей воспитанники, что приводило к обострению внутренних отношений в классе.

А.П. Языков возглавлял училище 28 лет. Он был вынужден оставить должность директора в 1877 г. из-за того, что дали о себе знать старые боевые раны, и вскоре скончался.

Новым директором стал действительный статский советник Иван Самойлович Алопеус (1824–1904) – первый из руководителей, который к моменту назначения на директорский пост уже обладал солидным стажем службы в училище. И.С. Алопеус окончил Михайловское артиллерийское училище и офицерские классы при нем, в 1844 г. получил назначение во 2-ю артиллерийскую бригаду, однако служить в строю ему почти не довелось. В 1851 г., в возрасте 27 лет, он был направлен в Училище правоведения, где занял должность классного вос-

питателя и преподавателя алгебры в младших классах, позднее стал инспектором воспитанников и дослужился до чина полковника артиллерии. Назначение Алопеуса директором вызвало зависть у его коллег, также желавших получить это место, в частности у инспектора классов Ф.Ф. Витте, который за несколько лет до того самовольно занял предназначавшуюся Алопеусу квартиру, а впоследствии не скрывал своих амбиций, проявлявшихся даже в мелочах. По воспоминаниям В.И. Танеева, «в церкви он [Ф.Ф. Витте] пробирался все вперед, старался занять место впереди Алопеуса, оттирая его назад довольно неискусно» [17, с. 197]. Ивану Самойловичу были чужды интриги, и он, в отличие от Витте, вовсе не стремился к чинам и должностям. Вероятно, благородство, бескорыстие и беззаветная преданность Алопеуса училищу и побудили руководство доверить ему после ухода А.П. Языкова воспитание правоведов.

С назначением И.С. Алопеуса жизнь в стенах Училища правоведения изменилась. Суровая дисциплина и муштра ушли в прошлое. Даже воспитанники старших классов стали позволять себе бесшабашные поступки: например, устраивать маскарады в часы, отведенные для самостоятельных занятий. Во время этого действия правоведы, некоторые из которых обязательно облачались в костюмы китайцев, сажались друг другу на плечи. Выпускник училища В.В. Алышевский вспоминал, что однажды в разгар маскарада в залу старшего класса вошел сам Алопеус, который намеревался показать «серьезных молодых людей» одному из бывших правоведов, посетившему *alma mater* [18]. И директор, и гости застыли в изумлении. Участники представления, однако, не были наказаны, и маскарады продолжались. Ослабление дисциплины привело к тому, что в жизнь правоведов вернулись и кутежи, и притеснения старшими воспитанниками младших. Тот же В.В. Алышевский отмечал, что от попечителя училища «милому старику Алопеусу порядочно попадало за распушенность воспитанников» [18]. Сами же правоведы относились к Алопеусу с теплотой и уважением, вспоминая о нем как об очень добром и мягком, хотя и весьма ограниченном человеке.

В 1890 г. И.С. Алопеус вышел в отставку с назначением сенатором. Директорский пост занял генерал-лейтенант Александр Ильич Пантелеев (1838–1919) – строевой офицер, выпускник Школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. Свою службу он начал в лейб-гвардии Преображенском полку, где командовал ротой и батальоном. Участвовал в подавлении Польского восстания 1863–1864 гг.

и русско-турецкой войне 1877–1878 гг., во время которой командовал 17-м пехотным Архангелогородским полком. Отличился в боях под Плевной, за что получил орден Св. Георгия IV степ., Св. Владимира III степ. с мечами и золотую саблю «За храбрость». После окончания войны некоторое время продолжал оставаться в Болгарии для обучения местных войск. Затем был командиром 1-й бригады 5-й пехотной дивизии и в течение 8 лет, с 1882 по 1890 г., командовал лейб-гвардии Семеновским полком. Его назначение на должность директора, очевидно, преследовало традиционную цель – «подтянуть» распущенное Алопеусом училище.

А.И. Пантелеев, не имевший высшего образования и всю жизнь прослуживший в строю, тем не менее, быстро сумел найти общий язык со своими подопечными и за короткий срок своего управления училищем сумел кардинально его преобразовать. Вероятно, этому способствовало и то, что его сын был выпускником Училища правоведения, прекрасно знал порядки заведения и мог подсказать отцу, как лучше поступить в том или ином случае. Правовед Г.П. Сюзор так характеризовал отношения между директором и воспитанниками: «Редкие способности администратора, ум, чуткое сердце и любовь к молодежи с самого начала директорства генерала Пантелеева завоевали ему сердца воспитанников» [6, с. 290]. Пантелеев не стал возрождать строевой уклад жизни и муштры. Опыт управления такими воинскими частями, как бригада и гвардейский полк, заставил его в первую очередь обратить внимание на хозяйственную часть жизни училища. Он возложил ответственность за прием и распределение провизии на воспитанников I (выпускного) класса. Помимо этого, отныне на кухне также по очереди дежурили правоведы, учившиеся во II и III классах, что позволило исключить воровство продуктов персоналом и улучшить питание воспитанников.

Особенно волновало А.И. Пантелеева техническое состояние училища: классные и спальные помещения были тесными и душными, система вентиляции практически вышла из строя, отопление работало с перебоями. Необходим был капитальный ремонт здания. Директор, как глава училища, лично возглавил в 1893 г. строительную комиссию и руководил составлением всех необходимых смет. И даже пожар в училище 1895 г., нанесший серьезный урон зданию, не помешал закончить ремонт в срок. Важным итогом ремонта стало не только обновление технических систем училища и его электрификация [19, с. 59], но и перепланировка помещения, позволившая разделить жизнь

старших и младших курсов. Младшие правове-ды за счет пристройки к основному зданию получили новые классные комнаты с высокими потолками, просторное помещение для занятий музыкой и большой спортзал. Как вспоминал правове-д В.А. Друцкой-Соколинский, «от ста-рого здания действительно мало что осталось, а все училище поражало своим рациональным устройством» [20, с. 92].

Занимаясь хозяйственными вопросами, Пан-телеев не упускал из виду и своей основной за-дачи. Директор инициировал изменение уста-ревших уставов и штата училища, действовав-ших с небольшими поправками с 1838 г. [21, л. 1]. Он быстро осознал необходимость диффе-ренцированного воспитательного и образова-тельного подхода к старшей и младшей возраст-ным группам правове-дов. Для этой цели вос-питание старших правове-дов было поручено вновь назначенному декану старшего курса, а инспектор воспитанников должен был отныне ведать исключительно учащимися младших классов. Некоторые изменения претерпела и учебная часть: так, по инициативе директора из программы старших классов был исключен гре-ческий язык, на изучение которого ранее отво-дилось 15 часов в неделю. Педагогам, препода-вавшим в старших классах, поручалось пред-ставить в Совет училища читаемые ими курсы для их издания за счет училищных средств, чтобы правове-ды могли готовиться по ним к экзаменам. Также директор распорядился соз-дать особую комиссию для изменения учебных программ. В результате ее деятельности на младшем курсе были введены естествоведение, химия и физика, а на старшем курсе началось преподавание гигиены в рамках изучения су-дебной медицины [22, с. 71].

После назначения А.И. Пантелеева в 1897 г. командиром Отдельного корпуса жандармов его место в Училище правоведения занял генерал-майор Александр Иванович Роговской (1848–1917). Он был выпускником 2-й Санкт-Петербургской военной гимназии и 1-го военного Павловского училища. Так же как и его предше-ственник, А.И. Роговской являлся участником русско-турецкой войны 1877–1878 гг., за что был награжден орденами Св. Владимира IV степ. с мечами и бантом, Св. Станислава II степ. с мечами и золотым оружием с надписью «За хра-брость» [23, с. 721]. После войны Роговской был ординарцем и адъютантом при высокопостав-ленных военачальниках. В 1885 г. он был на-значен адъютантом к попечителю училища принцу А.П. Ольденбургскому, а с 1893 г. со-стоял при нем. Принц Александр Петрович, ви-димо, ценил своего помощника, потому что че-

рез несколько лет доверил ему управление учи-лищем. А.И. Роговской добросовестно руково-дил подготовкой правове-дов в течение 5 лет, однако за время его директорства в жизни учи-лища не произошло каких-либо значительных перемен. По всей видимости, это следует свя-зать с отсутствием опыта руководящей работы: храбрый и заслуженный офицер, Роговской в течение долгих лет занимал должности орди-нарца и адъютанта и лишь в течение года, непо-средственно перед назначением директором училища, был Ломжинским губернатором. С учебной работой Роговской вовсе не был зна-ком и не знал, каким образом ее можно улуч-шить. Следует отметить лишь то, что при нем в образовательную программу правове-дов млад-ших классов были введены экскурсии в музеи, на выставки и заводы. Впрочем, здесь Рогов-ской отнюдь не был новатором: аналогичные изменения произошли в то же время в програм-ме кадетских корпусов.

В 1902 г. на смену Роговскому пришел гене-рал-майор Василий Васильевич Ольдерогге (1848–1911) – его ровесник и однокашник по гимназии и училищу. В.В. Ольдерогге участво-вал в русско-турецкой войне 1877–1878 гг., где получил ордена Св. Владимира IV степ. с мечами и бантом и Св. Станислава II степ. с мечами [6, с. 295]. Во время боевых действий он неод-нократно принимал участие в атаках, в которых получил несколько ранений, в том числе и в голову. Травма оказалась настолько серьезной, что Ольдерогге получил разрешение носить фу-ражку вместо каски [24, л. 3 об.]. Его служебная деятельность в училище началась с должности инспектора воспитанников в 1896 г. В этом же году он вошел в Совет училища и хозяйствен-ное правление. Должность инспектора помогла будущему директору лучше и ближе узнать внутреннюю жизнь заведения и установить контакт с правове-дами. В.А. Друцкой-Соколинский характеризовал его в своих ме-муарах как «умного, милого и сердечного чело-века» [20, с. 142]. Еще на этом должностном посту В.В. Ольдерогге получил высокую оцен-ку от попечителя училища А.П. Ольденбургско-го [25, л. 1]. Став директором, В.В. Ольдерогге внес существенный вклад в развитие внекласс-ных занятий: так, воспитанники могли теперь заниматься не только рисованием, но и лепкой и столярным делом [19, с. 34].

Директорство Ольдерогге выпало на неспо-койное революционное время. Несмотря на то что училище было закрытым учебным заведе-нием и правове-ды могли покидать его только в выходные, каникулярные и праздничные дни, некоторые воспитанники все же оказались за-

ражены радикальными идеями. Часть правове-дов старшего курса стали требовать изменения училищных порядков. В.В. Ольдерогге приложил все усилия, чтобы убедить своих подопечных одуматься, отказаться от своих взглядов и тем самым получить возможность остаться в училище. Однако укротить бунтовщиков не удалось, и они были вынуждены покинуть училище. Вместе с ними из училища ушло 5 преподавателей [19, с. 49]. Директору пришлось спешно искать замену выбывшим профессорам, чтобы ход учебных занятий не нарушился. После окончания революционных событий жизнь училища, по-прежнему возглавляемого В.В. Ольдерогге, вернулась в нормальное русло. Большое внимание стало уделяться хозяйственным вопросам. В 1909 г. была осуществлена перестройка здания согласно новейшим строительным достижениям [26, с. 67]. В 1910 г. Училище правоведения посетил император Николай II, который остался доволен как состоянием здания, так и уровнем подготовки воспитанников [19, с. 11]. Большой заслугой В.В. Ольдерогге стала подготовка комплекса торжественных мероприятий, приуроченных к 75-й годовщине со дня открытия училища. Празднество состоялось в 1910 г. и надолго запомнилось всем его участникам.

Последним директором Училища правоведения в 1911 г. стал генерал-майор Захарий Васильевич Мицкевич (1859–1930). После получения образования в Киевской военной гимназии он окончил Павловское военное училище. Мицкевич обладал большим педагогическим опытом: с 1891 г. он являлся офицером-воспитателем Пажеского корпуса, а в 1902 г. занял должность инспектора воспитанников Училища правоведения. В 1914 г. З.В. Мицкевичу пришлось перестраивать жизнь училища в соответствии с требованиями военного времени. Правоведы освобождались от переводных экзаменов, вместо этого им было поручено изготовление противогазов для армии [27, л.1], а выпуск 1916 г. практически в полном составе отправился на фронт. В дни февральской революции в училище ворвались солдаты с требованием выдать им директора-немца. Часть построек училища была отдана сначала на нужды различных военных организаций, а затем конфискована Временным правительством. Самому же училищу пришлось ютиться в здании 3-й Санкт-Петербургской гимназии [28, л. 39]. В таких условиях З.В. Мицкевич уже не мог контролировать происходившие в учебном заведении процессы. Но, несмотря на это, он приложил максимум усилий для того, чтобы училище продолжало функционировать до последних

своих дней. Когда часть учебных помещений была передана съезду крестьянских депутатов, директор отдал часть комнат своей квартиры под классы. У него же проходило и празднование «перелома» [29, с. 455] (закончившегося срока половины обучения в училище) правоведами, которым так и не было суждено доучиться до получения дипломов. В июне 1918 г. Училище правоведения было ликвидировано, а его здание передано агрономическому институту. Уже после отставки З.В. Мицкевич продолжал беспокоиться о судьбе училища и в августе 1918 г. обратился к руководству агрономического института с просьбой не разорять училищный музей.

Подводя итоги, можно сказать, что директора Императорского училища правоведения принадлежали к социокультурной группе профессиональных военных. Все они (за исключением С.А. Пошмана) получили военное образование, много лет прослужили в строю, участвовали в боевых действиях и к моменту назначения на директорский пост имели чин полковника или генерала. Опыт работы с нижними чинами с успехом восполнял отсутствие у первых директоров педагогической практики: С.А. Пошман и А.П. Языков сумели найти общий язык с воспитанниками. Из общего ряда выпадает лишь Н.С. Голицын, который пытался вести себя с правоведами так же, как со слушателями Императорской военной академии. Начиная с последней трети XIX в. своеобразным правилом стало назначение директорами лиц, уже служивших в училище в должности инспектора воспитанников, обладавших большим стажем преподавательской работы и хорошо знакомых с порядками заведения и, главное, с учащимися. Это давало вновь назначенному руководителю возможность приступить к исполнению своих обязанностей, уже зная, на что необходимо обратить внимание в первую очередь, а чего, напротив, не следует касаться. Деятельность таких «директоров из инспекторов» (И.С. Алопеуса, В.В. Ольдерогге, З.В. Мицкевича) была весьма эффективной. Лишь Алопеус, прослуживший в училище почти всю жизнь, был, по всей видимости, чересчур мягок для руководителя. Рано покинувший строй, он не успел приобрести командных навыков, а должность инспектора воспитанников занял уже в эпоху александровской «демилитаризации». Пришедший ему на смену А.И. Пантелеев был таким же даровитым педагогом «из строя», как А.П. Языков. Наконец, А.И. Роговской, ставший директором благодаря протекции попечителя училища А.П. Ольденбургского, не сумел внести в жизнь училища ничего нового, ибо весь его опыт руководящей работы сводился к одному

году губернаторства в Ломже. В целом, если судить по объективным итогам работы каждого из директоров училища и по мемуарам их бывших питомцев, все руководители заведения, за исключением Н.С. Голицына и А.И. Роговского, сумели оказать существенное влияние не только на формирование профессионально значимых качеств у своих подопечных, но и на их культурное развитие. Благодаря этому Императорское училище правоведения, не утрачивая роли центра подготовки высококвалифицированных юристов, стало *alma mater* для целой плеяды всемирно известных композиторов, поэтов, музыкантов.

Список сокращений

РГИА – Российский государственный исторический архив.

ЦГИА СПб – Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга.

Список литературы

1. ЦГИА СПб. Ф. 355. Оп. 1. Д. 4535.
2. ЦГИА СПб. Ф. 355. Оп. 1. Д. 4213.
3. РГИА. Ф.1349. Оп. 4. 1841 г. Д. 290.
4. Молчанов М.М. Полвека назад. СПб.: Тип. Е. Евдокимова, 1892. III, 91 с.
5. Стасов В.В. Училище правоведения сорок лет тому назад // Стасов В.В. Избранные сочинения в трех томах. Живопись. Скульптура. Музыка. Т. 2. М.: Государственное издательство «Искусство», 1952. 774 с.
6. Сюзор Г. Ко дню LXXV юбилея Императорского училища правоведения (исторический очерк). СПб.: Государственная типография, 1910. 514 с.
7. ЦГИА СПб. Ф. 355. Оп. 1. Д. 4155.
8. Голицын Н.С. Императорская военная академия в 1834–1848 гг. Воспоминания кн. Н.С. Голицына. Окончание // Русская старина. 1883. № 3. С. 703–712.
9. Мещерский В.П. Мои воспоминания. Т. 1. СПб., 1911. 453 с.
10. Тютчев И.А. В Училище правоведения. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1885, 48 с.
11. Половцов А.А. Русский биографический словарь. Том XXV. Яблоновский – Фомин. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1913. 495 с.
12. РГИА. Ф.1341. Оп. 95. Д. 1644.
13. РГИА. Ф. 733. Оп. 88. Д. 149.
14. ЦГИА СПб. Ф. 355. Оп. 1. Д. 4268.
15. РГИА. Ф. 1405. Оп. 62. Д. 4114.
16. Устимович П.А. Среди товарищей. М.: Типо-лит. И.Н. Кушнерова и К°, 1885. 15 с.
17. Танеев В.И. Детство. Юность. Мысли о будущем. М.: Изд-во АН СССР, 1959. 713 с.
18. Альшевский В.В. Воспоминания. [Электронный ресурс] // Сайт Липских, Ляпидевских и Достоевых. URL: <http://dostovalov.ru/vv2.html> (дата обращения: 23.08.2018).
19. Соболевский В.И. Императорское училище правоведения в 1885–1910 годах. Памятная записка, сост. и. д. инспектора классов В.И. Соболевским. СПб.: Тип. СПб. одиночной тюрьмы, 1910. 72 с.
20. Друцкой-Соколинский В.А. Да благословенна память. Записки русского дворянина. Орел, 1996. 348 с.
21. ЦГИА СПб. Ф. 355. Оп. 1. Д. 4458.
22. Училище правоведения. Представление исправляющего должность инспектора классов П.К. Покровского в Совет Училища правоведения. СПб.: Паровая скоропеч. «Надежда», 1895. 187 с.
23. Альманах современных русских государственных деятелей. СПб.: Тип. Исидора Гольдберга, 1897. XXXIX, 15, 1250 с.
24. РГИА. Ф. 1405. Оп. 524. Д. 939.
25. РГИА. Ф. 1405. Оп. 545. Д. 9520.
26. Анненкова Э.А. Императорское училище правоведения. СПб.: Росток, 2006. 383 с.
27. РГИА. Ф. 1405. Оп. 539. Д. 785.
28. ЦГИА СПб. Ф. 355. Оп. 1. Д. 8651.
29. Пашенный Н.Л. Императорское училище правоведения и правоведа в годы мира, войны и смуты. Мадрид, 1967. 455 с.

SOCIOCULTURAL PORTRAIT OF THE IMPERIAL LAW SCHOOL DIRECTORS

M.S. Shishkina

The article is an attempt to reconstruct the sociocultural portrait of the Imperial Law School directors. The main focus is on the characteristic of professional and personal qualities of the School directors, which influenced the organization of educational and out-of-class work. Basing on the analysis of archival sources and memoirs of the School students, the author comes to the conclusion that the directors of the School belonged to the corporation of professional servicemen and almost all of them by the moment of their appointment had the necessary professional experience required to make a significant impact on the formation of students' personality.

Keywords: Imperial Law School, directors, sociocultural portrait, S.A. Poshman, N.S. Golitsyn, A.P. Yazykov, I.S. Alopeus, A.I. Pantelev, A.I. Rogovskoy, V.V. Ol'derogge, Z.V. Mitskevich.

References

1. CGIA SPb. F. 355. Op. 1. D. 4535.
2. CGIA SPb. F. 355. Op. 1.D. 4213.
3. RGIA. F.1349. Op. 4. 1841 g. D. 290.
4. Molchanov M.M. Polveka nazad. SPb.: Tip. E. Evdokimova, 1892. III, 91 c.
5. Stasov V.V. Uchilishche pravovedeniya sorok let tomu nazad // Stasov V.V. Izbrannye sochineniya v trekh tomah. Zhivopis'. Skul'ptura. Muzyka. T. 2. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo «Iskusstvo», 1952. 774 s.
6. Syuzor G. Ko dnyu LXXV yubileya Imperatorskogo uchilishcha pravovedeniya (istoricheskij ocherk). SPb.: Gosudarstvennaya tipografiya, 1910. 514 s.
7. CGIA SPb. F. 355. Op. 1. D. 4155.
8. Golicyn N.S. Imperatorskaya voennaya akademiya v 1834–1848 gg. Vospominaniya kn. N.S. Golicyna. Okonchanie // Russkaya starina. 1883. № 3. S. 703–712.
9. Meshcherskij V.P. Moi vospominaniya. T. 1. SPb., 1911. 453 s.
10. Tyutchev I.A. V Uchilishche pravovedeniya. SPb.: Tip. V.S. Balasheva, 1885, 48 s.
11. Polovcov A.A. Russkij biograficheskij slovar'. Tom XXV. Yablonovskij – Fomin. SPb.: Tip. I.N. Skorohodova, 1913. 495 s.
12. RGIA. F.1341. Op. 95. D. 1644.
13. RGIA. F. 733. Op. 88. D. 149.
14. CGIA SPb. F. 355. Op. 1. D. 4268.
15. RGIA. F. 1405. Op. 62. D. 4114.
16. Ustimovich P.A. Sredi tovarishchej. M.: Tipolit. I.N. Kushnereva i K°, 1885. 15 s.
17. Taneev V.I. Detstvo. YUnost'. Mysli o budushchem. M.: Izd-vo AN SSSR, 1959. 713 s.
18. Alyshevskij V.V. Vospominaniya. [Elektronnyj resurs] // Sajt Lipskih, Lyapidevskih i Dostovalovyh. URL: <http://dostovalov.ru/vv2.html> (data obrashcheniya: 23.08.2018).
19. Sobolevskij V.I. Imperatorskoe uchilishche pravovedeniya v 1885–1910 godah. Pamyatnaya zapiska, sost. i. d. inspektora klassov V.I. Sobolevskim. SPb.: Tip. SPb. odinochnoj tyur'my, 1910. 72 s.
20. Druckoj-Sokolinskij V.A. Da blagoslovenna pamyat'. Zapiski russkogo dvoryanina. Orel, 1996. 348 s.
21. CGIA SPb. F. 355. Op. 1. D. 4458.
22. Uchilishche pravovedeniya. Predstavlenie ispravlyayushchego dolzhnost' inspektora klassov P.K. Pokrovskogo v Sovet Uchilishcha pravovedeniya. SPb.: Parovaya skoropech. «Nadezhda», 1895. 187 s.
23. Al'manah sovremennyh russkih gosudarstvennyh deyatelej. SPb.: Tip. Isidora Gol'dberga, 1897. XXXIX, 15, 1250 s.
24. RGIA. F. 1405. Op. 524. D. 939.
25. RGIA. F. 1405. Op. 545. D. 9520.
26. Annenkova Eh.A. Imperatorskoe uchilishche pravovedeniya. SPb.: Rostok, 2006. 383 s.
27. RGIA. F. 1405. Op. 539. D. 785.
28. CGIA SPb. F. 355. Op 1. D. 8651.
29. Pashennyj N.L. Imperatorskoe uchilishche pravovedeniya i pravovedy v gody mira, vojny i smuty. Madrid, 1967. 455 s.